

Фурукава Кэн еще долго сидел на футоне, не в силах заставить себя подняться. То, что игровая система одержима жаждой наживы, он догадывался и раньше, но чтобы настолько... Одолеть проклятый данж в «Доме с привидениями», выложиться без остатка — и вместо заслуженной награды получить наглую оферту: «Купите эксклюзивный платный набор!»

Издательство, честное слово.

Тяжело, уныло вздохнув, Кэн изо всех сил похлопал себя по щекам. Хватит раскисать. Нельзя унывать, ведь у него теперь есть Дева Часа Быка — Уси-но-токи-онна. В конце концов, прожорливый интерфейс порой принимает в уплату весьма диковинные подношения.

Именно: не одной лишь звонкой монетой можно насытить этого паразита. Вопрос лишь в том, по какому принципу система оценивает ценность барахла? Что именно она готова сожрать?

Поняв, что эти размышления снова вгонят его в тоску, Кэн решительно смахнул назойливые уведомления о донате. И тут же заметил, что на заднем плане интерфейса зажегся новый бумажный фонарь с надписью **[Пробуждение]**.

Очевидно, теперь открылся доступ к зачистке подземелий ради материалов пробуждения для сикигами. Мысленным усилием Кэн переключился на фонарь **[Митама]** — и точно, второй ярус Храма душ приветливо мерцал, приглашая войти. Если закрыть глаза на бесконечное вымогательство системы, вылазка в заброшенную усадьбу принесла богатые плоды.

Он не только заполучил нового сикигами редкого ранга, но и воочию узрел подлинное величие мастеров онмёдо.

Поднявшись на ноги, Кэн с наслаждением потянулся. Он вовремя вспомнил, что находится не в своей убогой лачуге, а потому лишь молча, с яростным упорством погрозил невидимому противнику.

«Ничего, погоди у меня. Рано или поздно я разбогатею и завалю тебя золотом, проклятая ты система!»

Аккуратно сложив футон, юноша замер в нерешительности. Обитель Асакуры Хао на территории Палаты Онмё больше походила на изысканную усадьбу, нежели на ученическое общежитие, — по крайней мере, в его родном мире таких роскошных общежитий отродясь не бывало. Однако здесь он оказался отрезан от привычных благ своего игрового пространства: ни тебе автомата с едой, ни кулера с чистой водой, ни верных мелких духов под рукой. Желудок уже требовал завтрака, а где раздобыть хоть какую-то провизию, Кэн не имел ни малейшего представления.

Единственным сомнительным плюсом утреннего пробуждения в Палате Онмё было то, что сегодня ему не придется сломя голову бежать на занятия через половину столицы.

Немного послонявшись по комнате, Кэн решил выйти наружу. Даже если с едой придется повременить, зов природы никто не отменял — нужно было срочно отыскать уборную.

Едва он отодвинул раздвижную перегородку-сёдзи, как так и замер на пороге. Прямо перед ним, опустив голову, неподвижно сидела женщина в темном глухом одеянии. Судя по ее застывшей позе, она провела на коленях не один час. От неожиданного испуга у Кэна едва не вырвался крик. Лишь мгновение спустя до него дошло: перед ним не живой человек, а... сикигами Хао?

— Господин приказал проводить вас, как только вы проснетесь. Пожалуйста, следуйте за мной.

Ее ровный, лишенный малейших интонаций голос заставил Кэна вспомнить бездушных голосовых ассистентов из прошлой жизни. Он поспешно кивнул, и безмолвная служанка, легко поднявшись, повела его по длинному коридору в глубь усадьбы.

В этом уединенном дворике имелась собственная уборная. К огромному облегчению Кэна, она разительно отличалась от жутких столичных отхожих мест, где беднякам приходилось обходиться грубыми бамбуковыми щепками. Здесь для деликатных надобностей были заготовлены мягкие лоскуты чистой ткани, на удивление приятные на ощупь...

Правда, когда сикигами без тени смущения унесла использованные им тряпицы для стирки, юноша ощутил непреодолимое желание провалиться сквозь землю от неловкости.

Умывшись и почистив зубы расщепленной веточкой ивы, Кэн вернулся в гостевые покои. За время его отсутствия служанка успела убрать постельные принадлежности и зажечь тусклую свечу. На невысоком столике его ждал скромный завтрак: пара свежих рисовых колобков-онигири и чашка чистой воды. Для безродного сироты, привыкшего к полуголодному существованию, это было королевское угощение.

Быстро расправившись с едой, он уселся на циновку, скрестив ноги, и закрыл глаза, погружаясь в привычную утреннюю медитацию.

Ежедневные духовные упражнения требовали строгой дисциплины, но сегодня во время сосредоточения Кэн словно нащупал тайную защелку в своем разуме. Перед его мысленным взором внезапно проступило то, что прежде оставалось невидимым. Окружающий воздух наполнился тончайшими, колышущимися нитями энергии, а собственное сознание заколыхалось, готовое вот-вот сорваться с привязи и покинуть телесную оболочку.

В этот критический момент над самым его ухом раздался резкий, звонкий хлопок веера, мгновенно вернувший его в реальность.

Распахнув глаза, Кэн увидел стоявшего перед ним Асакуру Хао. Одетый в просторную шелковую каригину, он возвышался прямо против оконного проема. Яркие лучи утреннего солнца, бившие из-за его спины, слепили глаза, мешая разглядеть выражение его лица.

— А ты делаешь успехи, — искренне удивился Хао, мягко улыбнувшись. — Тебе удалось коснуться второй ступени созерцания. Однако не спеши углубляться. Твоему источнику пока не хватает устойчивости, можно легко повредить каналы.

— Да, я понял, — поспешно закивал Кэн.

Он и представить не мог, что за те несколько минут, в течение которых, как ему казалось, длилось его видение, солнце успело подняться высоко над горизонтом.

— Собирайся. Нам пора в Палату Онмё, нужно сдать отчет об инциденте, — Хао, который, судя по всему, полночи провел за кистью, составляя подробные свитки для начальства, жестом позвал ученика за собой. — Заодно я официально представлю тебя старейшинам и познакомлю со своим наставником.

— Будет исполнено!

В груди Кэна испуганной птицей затрепетало волнение. Ему предстояло предстать перед самым Хамо-но Тадатому — великим мастером, верховным императорским онмёдзи и учителем самого Хао! От одной только мысли об этой встрече у него взмокли ладони.

— Не бойся так, учитель — человек великодушный и мудрый, — заметив его скованность, мягко успокоил его Хао. — К тому же к нему мы отправимся лишь ближе к вечеру. А первая половина дня уйдет на сухие доклады старейшинам Палаты.

— Да! — выдохнул Кэн, ощущая, как тяжелый камень частично свалился с души.

Утром Кэн впервые переступил порог внутренних покоев Палаты Онмё, где располагались личные кабинеты высших чинов службы, — разумеется, в эту эпоху никто не осквернял слух столь прозаическими названиями, как «административный корпус».

Поскольку ночное происшествие затронуло интересы высокопоставленного вельможи и могущественного отступника, в просторной васицу собрался весь цвет столичного онмёдо. За низкими столиками чинно восседали даже те мастера, которых обычно невозможно было залучить на рутинные заседания: Абэ-но Сэймэй, Камо-но Ясунори и Асия Доман.

Хао явился без опозданий, однако строгий придворный этикет и вопросы старшинства требовали, чтобы он вошел в залу последним.

До их появления старейшины, по-видимому, уже успели провести бурное обсуждение, но благодаря наложенным на стены барьерам снаружи не доносилось ни звука.

Передав свитки с отчетом, Хао лаконично и уверенно ответил на посыпавшиеся вопросы магистров. Вскоре очередь дошла и до Кэна. Старейшины заставили его подробно описать свои

действия и призванных им существ. Расспросы велись с пристрастием, однако, несмотря на явный интерес к столь необычным сикигами, никто из присутствующих великих мастеров не опустил до низких угроз или попыток отобрать у юноши его духовных слуг — положение в обществе не позволяло им марать руки подобным образом.

Когда перекрестный допрос наконец завершился, Кэн, покрытый холодным потом с головы до ног, поспешил незаметно забиться в самый дальний угол комнаты, стараясь слиться со стеной.

Только теперь, когда напряжение немного спало, он осмелился украдкой рассмотреть легендарных чародеев, чьи имена гремели по всей империи.

Первым его взгляд наткнулся на Асию Домана. Этот муж походил скорее на просоленного в походах самурая, нежели на утонченного служителя тайных искусств. Огромного роста, широкоплечий, с окладистой дикой бородой — прошлой ночью при скудном свете факелов он показался Кэну вылитым разбойником с большой дороги.

По правую руку от него расположились двое других старцев — Абэ-но Сэймэй и Камо-но Ясунори. Вот они выглядели классическими кудесниками: один в серой, другой в белоснежной каригине, на головах — высокие шапки-эбоси, из-под которых выбивались серебряные пряди волос. Глубокие морщины, изрезавшие их лица, не оставляли сомнений: оба мастера давно перешагнули порог почтенной старости.

В душе Кэна шевельнулось легкое разочарование. Разумеется, глупо было ожидать юношеской свежести от людей, чья слава ковалась десятилетиями. Но во всех прочитанных им книгах, во всех картинах и играх его прежнего мира Абэ-но Сэймэй неизменно представлял писаным красавцем с утонченными чертами лица. Столкнувшись с суровой реальностью, Кэн невольно мысленно вздохнул.

«Эх, значит, вот ты какой на самом деле...»

Впрочем, возраст не стер благородства их черт. Даже увядающая красота этих двоих сохраняла величественную статью — в юности они, без сомнения, разбивали немало женских сердец.

Послушать дальнейший разговор Кэну не довелось. Будучи всего лишь младшим учеником, пусть и взятым под крыло Асакуры Хао, он не имел права присутствовать при обсуждении государственных тайн. Служители вежливо, но настойчиво проводили его в соседнюю библиотеку. Юноша лишь обрадовался такому исходу: дышать в одном помещении с титанами эпохи, пусть те и не выказывали враждебности, было слишком тяжелым испытанием для его нервов.

— Асакура, а у тебя отменный вкус, — не выдержав, Сэймэй прикрыл губы расписным веером, пряча лукавую усмешку. Он прекрасно заметил тот оценивающий взгляд, которым его только что наградил мальчишка, и теперь едва сдерживал смех. — Славный малый, и силы ему не занимать.

Обычно строгий и невозмутимый Камо-но Ясунори согласно кивнул. За долгие годы службы он впервые видел ребенка, который, оказавшись в месте столь чудовищной концентрации духовной силы перед лицом грозных мастеров, осмелился бы так бесцеремонно их разглядывать. В глазах Кэна читались почтение, любопытство, даже странная мимолетная жалость — но не было и капли рабского страха.

— Хм, а ведь Доря собирался рекомендовать этого сорванца мне, — недовольно проворчал Асия Доман, скрестив на груди мощные руки.

— Благодарю за столь высокую оценку моих скромных трудов, — Хао лишь вежливо склонил голову, не стремясь развивать тему.

— Ладно, ступай, молодежь, — Сэймэй с легким стуком захлопнул веер и небрежно постучал им по ладони. — Мы тут со старцами обсудим, как поступить со злосчастной усадьбой и оставшейся там скверной. Тебе ведь еще нужно официально внести имя мальчика в списки своих учеников. Радуйся, Хао: теперь у тебя есть собственная глина, из которой можно вылепить все, что твоей душе угодно.

— Перестань равнять всех по себе, — покачал головой Ясунори, беззлобно поддразнивая сотоварища. — Твои подопечные до сих пор вздрагивают при упоминании твоих методов обучения. Асакура куда милосерднее.

— Ха-ха, клевета! — Сэймэй весело сощурился, заговорщически подмигнув Хао, после чего с самым благочестивым видом углубился в чтение отчетов.

Почтительно откланявшись старшим мастерам, Хао покинул зал заседаний и направился в библиотеку к заждавшемуся Кэну.

Остаток дня пролетел в бесконечной беготне по канцеляриям. Кэн послушно следовал за наставником, подписывая бесконечные бумаги, свитки и проходя обязательные формальности. Лишь к вечеру, когда небо окрасилось в багровые тона заката, они наконец направились к личной резиденции великого Хамо-но Тадатому.

<http://bllate.org/book/18244/1748195>